

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МУЖЧИНЫ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ Н.В. ПАВЛОВИЧ «СЛОВАРЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ»)

Выявлены метафоры, посредством которых формируется образ мужчины в русском поэтическом дискурсе. Рассмотрены метафорические модели, актуализирующие различные признаки, фиксирующие в языке стереотип маскулинности.

Ключевые слова: гендер; маскулинность; метафорическая модель; окказиональная метафора; поэтический дискурс.

С конца XX в. отмечается повышенный интерес исследователей различных лингвистических направлений к метафоре как способу моделирования образного фрагмента языковой картины, формируемого совокупностью концептуальных метафор [1]. В рамках лингвокогнитивного подхода метафора рассматривается не как «средство украшения уже готовой мысли», а как «способ мышления, повседневная реальность языка» [2. С. 57], как «важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [3. С. 26]. Обращение к данным системам исследователей лингвокогнитивного направления рассматривается в качестве метода выявления того, как рефлексировается тот или иной фрагмент действительности в соответствующей линвокультуре. К числу культурно значимых смыслов, этноязыковое своеобразие которых маркируется и системами концептуальных метафор, относятся формирующие гендерную оппозицию образы маскулинности и феминности. Данные образы «являются конструктами культуры и подвергаются постоянной эволюции в исторической перспективе» [4. С. 41]. Признание пола культурно обусловленным феноменом дает возможность выявить противопоставления мужского и женского в языке, а также рассмотреть зафиксированные стереотипы маскулинности и феминности.

В настоящее время исследования, посвященные проблемам языкового миромоделирования, представили убедительные доказательства того, что этноязыковые картины мира варьируются в соответствии с изменением социальных практик, целей и условий коммуникации, что находит выражение и в формировании специфичных моделей образного, метафорического отражения действительности: «Анализ дискурсивной реализации базовых концептуальных моделей в составе различных типов дискурсов, с одной стороны, позволяет вскрыть значительность, неоднолинейность потенциала соответствующих моделей, с другой стороны, семантический анализ конкретных реализаций базовой модели в составе дискурса позволяет вскрыть существенные смысловые доминанты, его (дискурс) формирующие» [5. С. 72].

В данной статье решается задача выявления метафорических образов, посредством которых моделируется образ мужчины в поэтическом дискурсе.

Исследования поэзии в когнитивном аспекте свидетельствуют, что «язык поэзии, равно как и язык обиходный, относится к сферам функционирования концептуальной метафоры» [6. С. 60]. Однако, как было отмечено Дж. Лакоффом и М. Тернером, поэтические метафоры могут формироваться на основе композиций

концептуальных метафор, расширяя их моделирующий потенциал [7. С. 11]. Анализируя поэтические тексты, мы обнаруживаем, как появляется и развивается образ в поэтическом дискурсе, какой предмет сравнивается или отождествляется с другим в русской культуре. Авторские, окказиональные метафорические номинации способствуют раскрытию потенциала базовых концептуальных метафор. Воплощаясь в авторских текстах, метафорические образы переходят в другие дискурсы, создавая основу развития и закрепления новых образов в культуре.

Материалом для исследования были избраны метафоры, прямое номинативное значение которых служит базой метафорического переноса для именованной мужчины. Данные метафорические единицы относятся к гендерно маркированным, представляющим образные характеристики мужчин. В качестве основного источника материала использовался «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович [8]. Данный словарь репрезентативен в рассматриваемом аспекте, так как его словарь представляет около 40 000 образов. Из общего числа образной лексики словаря методом сплошной выборки нами были отобраны более 700 единиц, семантика которых связана с интерпретацией гендерных противопоставлений.

Метафорические номинации, отобранные для анализа, объединены в несколько метафорических моделей. Метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [9. С. 131]. Примеры, иллюстрирующие метафорические модели, включают в себя как сравнение, имеющее формальный показатель компаративности (*как, будто, словно* и др.), так и метафору, для которой характерно отсутствие таких показателей, что не противоречит широкому подходу к выявлению метафоры по формальным признакам в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики. Безусловно, нами признается специфика метафоры и сравнения в их традиционном толковании, однако в фокусе внимания когнитивных исследований находится смысловое уподобление, что «воспринимается как фактор, значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» [2. С. 58]. Таким образом, метафора воспринимается как синтетическое отождествление двух явлений, при этом ценным является ее целостный образ.

В своем словаре Н.В. Павлович выделяет метафорические модели «Человек – это X». Однако в ряде случаев при анализе контекстов, репрезентирующих данную модель, нами была выявлена закономерность, свидетельствующая о соотносительности приведенных

примеров в преобладающем большинстве случаев с образом мужчины в русском языке, что послужило основанием для выделения в русском поэтическом дискурсе следующих метафорических моделей: «**Мужчина – это животное**», «**Мужчина – это птица**», «**Мужчина – это дерево**», «**Мужчина – это божество или мифологическое существо**». Рассмотрим каждую из них подробнее.

Во-первых, в русском языке можно установить существование метафорической модели «**Мужчина – это животное**». В ее состав вошли существительные, называющие в прямом номинативном значении животных, такие как *барс, буйвол, бык, вол, волк, жеребец, заяц, зверь, зубр, конь, крыса, лев, лошадь, медведь, олень, осел, поросенок, слон, тигр*. При метафорической номинации мужчины данные существительные могут быть распределены по группам на основании актуализации различных признаков сферы-источника метафорической экспансии.

В первую группу объединены такие метафоры, как *буйвол, бык, жеребец, конь, лошадь, лев, медведь, слон, тигр*, реализующие образ мужчины с крепким телосложением, обладающего физической силой и мощью: *О, Иафет! Ты рыжий буйвол. Твоя грудь – грудь буйвола* (Леонов); <...> *мощный, как бык, провансалец* (Бунин), <...> *огромный брюнет невец, поражающий, как все певцы, удивительным здоровьем, грубовеликолепной силой молодого жеребца* (Бунин); *Он, как я уже сказал, высок, широкоплеч и плотен, как хорошая рабочая лошадь* (Чехов); *Нет, нет! настанет день. Свободный от оков, Как аравийский конь при звуках близкой брани, Воспрянет римлянин* (Шишков. – А.А.); *Он – человек, как лев. Он – лев, как человек* [о Л.Н. Толстом] (Северянин); *Старший братан, как полесный медведь, Мял, словно лыко, железо и медь* (Клюев); *Старый товарищ, древний ловчий <...> Сильнее грузного слона* (Гумилев); *Как тигр в саду, – угрюмый мавр* (Гумилев).

При метафорическом осмыслении образа мужчины на основе сферы-источника, обозначенного лексемами *барс, конь, медведь, олень, слон, тигр*, ассоциирование строится на актуализации различных признаков движения. Например, *барс, конь, олень, тигр* – грациозные, легкие, быстрые движения: *Старый товарищ, древний ловчий, Снова встаешь ты с ночного дна, Тигра смелее, барса ловчее, Сильнее грузного слона* (Гумилев); *Монах на все взирал смятенным оком. <...> И вдруг, в душе почувствовав кураж И набекрень, взъярясь, клобук надвинув, В зеленый лес, как белоусый паж, Как легкий конь, за девкою погнался* (Пушкин); *Как быстрый я олень навстречу, К тебе всех прежде побегу* (В. Петров); *И вдруг он – как молния, как тигр* [об актере] (Тургенев). Однако при именовании мужчины существительными *медведь, слон* в основу ложится признак неповоротливости, неуклюжести движений: *Мы тюлени, уездные медведи! А она царица бала* (Чехов); *Старый товарищ, древний ловчий, Снова встаешь ты с ночного дна, Тигра смелее, барса ловчее, Сильнее грузного слона* (Гумилев).

Метафоры третьей группы репрезентируют специфику поведения: а) *барс, волк, зверь, лев, медведь, тигр*: агрессивный, с повадками хищника, способный

нападать, атаковать – *Как барс пустынный, зол и дик, Я пламенел, визжал, как он* (Лермонтов); *Я куроцап, волк, кориун, птица хищная, но во мне все-таки есть настолько чувств и ума, чтоб понимать, что меня не следует любить* (Чехов); *В пьянстве человек лютейший самый зверь* (Козельский Ф.); *И когда вот он – раза три в год с ним это случается – начнет реформы вводить, не подходи к нему тогда! Как тигр или лев какой-нибудь!* (Чехов); *И Роман, зеленея от злобы, медведем вставал на него* (Бунин); б) *вол, конь, лошадь*: выносливый, работоспособный – *А работал, как вол, день и ночь* (Чехов); *Работает он от утра до ночи, читает массу, отлично помнит все прочитанное – и в этом отношении он не человек, а золото; в остальном же прочем – это ломовой конь, или, как иначе говорят, ученый тупица* (Чехов); *Стал вынослив и работоспособен, как лошадь или даже – трактор* (Маяковский); в) *вол, осел*: упрямый, неумный – *Был он аккуратен, но как-то слишком, без нужды и во вред себе, мрачен; рыжий, высокий, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей униженности, упрямый и настойчивый, как вол, хотя всегда невпопад* (Достоевский); *Коль многих грубости объемлет тьма проклята; Отцы – большие ослы, а дети их – ослята* (Петров В.); г) *заяц*: трусливый – *Смелый бегаёт, как лунный поток, трус – зайцем* (Леонов).

Отметим, что метафорический образ мужчины может создаваться на основе внешнего сходства с денотатом: *поросенок*: толстый, с розовой кожей – <...> *сибирский помещик, розовый и гладкий, как йоркширский поросенок* (Куприн).

При метафорическом именовании мужчины словом *крыса* актуализируется признак, обозначающий род занятия, при этом он расценивается как что-то незначительное, неважное, мелкое – <...> *а там уж чиновник для письма, эдакая крыса* (Гоголь).

Языковая метафора *зубр* реализует образ мужчины, придерживающегося отсталых взглядов: *Еще Палицын: слава Орла, один из столпов его, один из тех зубров-чудаков, которыми искони славится Россия* (Бунин).

Вторая модель «**Мужчина – это птица**» представлена следующими существительными: *беркут, воробей, ворон, гусь, индюк, кориун, курица, орел, петух, попугай, сокол, соловей, сыч, филин, ястреб*. При метафорической номинации мужчины в рамках данной модели наблюдается актуализация различных признаков денотата. Метафоры *кориун, орел, сокол, ястреб* репрезентируют совокупность таких характеристик, как храбрость, мужественность, смелость, физическая сила, способность к нападению, яростному сражению: *Раненый кориун, темной страстью товарищ дивный был объят* (Гумилев); *Он взглядом, мужеством, породой, Заслужой, силою – орел* [о графе А.Г. Орлове] (Державин); *Разве мне стерпеть легко, Что застрял мой сокол? Пусть он едет далеко, Пусть летит высоко* (Исаковский); <...> *как это ухитрялся он не разорваться: <...> чуть не каждый день бывать в именье, ястребом следить за каждой пядью земли...* (Бунин). Следует отметить, что метафора *сокол* может также употребляться в поэтическом дискурсе для ласкового именовании мужчины (брата, мужа, любимого): *У крыльца высокого встретила я сокола, Я весною встретила, на любовь ответила* (Исаковский).

При употреблении лексических единиц *попугай*, *соловей* для метафорического именования мужчины ассоциирование строится на основе сходства звучания птиц с речью: *попугай*: повторять механически, бездумно – *Свобода – превращеньем роли – На их условном языке есть отречение личной воли, чтоб быть винтом в паровике; быть **попугаем** однозвучным, который, весь оторопел, твердит с усердием докучным ему насвистанный напев* (Вяземский); *соловей*: быть красноречивым, хорошо петь – *Мил уехал далеко-далече, Улетел веселый **соловей*** (Исаковский).

При анализе метафорических контекстов с лексемами *индюк*, *курица*, *петух*, *сыч*, реализующими образ мужчины, нами был выявлен ряд признаков, репрезентирующих специфику поведения: а) *индюк*: глупый, заносчивый, надменный – *Граф хорохорился, как молодой **индюк*** (Чехов); б) *курица*: безвольный, бесхарактерный – *Он падал мне в ноги и плакал, он целовал мне вот эти самые сапоги <...> Это болезненная **курица** в падучей болезни, со слабым умом* [о Смердякове] (Достоевский); в) *петух*: заносчивый, забияка – *Граф весел, как **петух**, поет кукареку И, горд победою своей, ...Пиррихьем вновь звучит, как скриплюю телегой* [А.С. Хвостову] (Державин); г) *сыч*: нелюдимый, угрюмый – *А поп, как в тине, в рясе. Торчмя торчит, что **сыч*** (Нарбут).

При именовании мужчины *вороном*, *воробьем*, *филином* актуализируется признак внешнего сходства птиц с человеком: *Отец мой был похож на **ворона***. <...> *Невысокий, плотный, немного сутулый, грубо черноволосый, темный длинным бритым лицом, большеносый, был он и впрямь совершенный **ворон*** (Бунин), *Он сидел и слушал, по обыкновению своему, нахохлившись, как **воробей** в клетке, молчаливый и серьезный, одутловатый, с своими взъерошенными белыми волосами* (Достоевский); *Барин у нас никуда, голова толкачом, голая, наденет круглые очки – чистый **филин*** (Бунин). Считаю важным заметить, что в русском языке слова «ворон», «воробей», «филин» в прямом номинативном значении мужского рода, и в переносном значении они употребляются применительно к мужчинам.

Третью метафорическую модель «**Мужчина – это дерево**» составляют существительные, в прямом номинативном значении называющие разные виды деревьев: *дуб*, *кедр*, *кипарис*, *тополь*, а также лексема *пень*, определяемая как «нижняя часть ствола срубленного, спиленного или сложенного дерева вместе с оставшимися в земле корнями и комлем» [10. С. 498]. При моделировании образа мужчины метафорами *кедр*, *кипарис*, *тополь* ассоциативным признаком выступает признак, репрезентирующий высокий рост и атлетическое телосложение – *Как **кедр**, высок и строен Сидората* [царь о сыне] (Надсон); *Вот вы и я: подобье розы милой, цветете вы и чувством, и красотой; Я **кипарис** угрюмый и унылый, воспитанный летами и грозой* (Вяземский); *Испанец молодой, с осанкой гордой, как **тополь** стройный, с черными глазами* (Лермонтов). Рассмотрим пример, содержащий метафору *дуб* – *Идут, идут брат в брата <...> стоят середь избы – Богатыри. **Дубы!*** (Твардовский). Существительное *дуб* в прямом номинативном значении употребляется для обозначения крупного лиственного дерева семейства буковых с

прочной древесиной и плодами-желудями. При метафоризации отмечаем актуализацию ряда признаков сферы-источника метафорической экспансии, что делает возможным охарактеризовать мужчину как сильного, крупного, с крепким телосложением человека. Существительное *пень* используется для репрезентации умственных способностей: несообразительный, глупый, бестолковый – ***Пень** фиговый я был сперва, болван бесплодный* (И. Барков).

Анализ метафорических единиц четвертой модели «**Мужчина – это божество или мифологическое существо**», в которую вошли лексемы *ангел*, *Аполлон*, *Атлант*, *бог*, *Геркулес*, *Давид*, *князь тьмы*, *серафим*, *херувим*, *черт*, показал, что метафорические номинации несут в себе оценочные характеристики. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным» [11. С. 198]. Существительные *ангел*, *серафим*, *херувим*, входящие в эту модель, обозначают положительную оценку мужчины, представляя его как воплощение красоты, добра, чего-либо положительного, благочестивого, лучших человеческих качеств, тем самым давая общую оценку. Приведем примеры ассоциативных реализаций образов для характеристики мужчины с данными метафорами: *О! **ангел** наших дней прекрасный, Благого образ существа* [об Александре I] (Державин); *Послушай, неба **серафим**, ниспосланный счастливить смертных* [об Александре I] (Державин); *Он тебя испугался, тебя, голубя. Ты «чистый **херувим**».* Тебя Дмитрий *херувимом* зовет (Достоевский).

Отрицательная оценка представлена метафорами *князь тьмы*, *черт*, характеризующими мужчину как подлого, бесчестного человека, способного совершить что-либо дурное: *Где он, со пламенным мечом жenuющий **князя тьмы** и злобы, глотавшего в пути своем болезни, муки, смрад и гробы, бегущего, как хищный волк?* [о Кутузове и Наполеоне] (Державин); *Крови пил в день ведер по сту, – Суицид **черт**, хоть был без рог* [о Наполеоне] (Державин).

Другой вид оценочного именования человека происходит на основе определенных признаков и является частной оценкой. При моделировании образа мужчины метафорические образы репрезентируют следующие характеристики: *Аполлон*, *Атлант*, *Геркулес*: атлетическое телосложение, необыкновенная сила – *Но не в мечте ль, иль в яве я с Дианой **Аполлона** вижу?* [об Александре I] (Державин); *Кто сей, по образу **Атланта** на рамена поднявший свет?* [о Павле I] (Державин); *Се русский **Геркулес**: где сколько ни сражался, всегда непобедим остался, жизнь его полна чудес!* [о Суворове] (Державин); *Давид: смелый, отважный – О кроткий северный **Давид!** – И Филистимлянин туманный на прахе бледный, обуянный, средь войск, как дуб в лесу, лежит* [о Кутузове, победившем Наполеона] (Державин); *бог: могущественный, обладающий властью – Ты **бог** мой был, ты клятву дал, Ты ныне клятву ту поправ* [послание к изменившему любовнику] (Державин).

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что метафоры, формирующие образ мужчины в русском поэтическом дискурсе, выражают самые разнообразные смыслы. Анализ метафорических контекстов показал, что в большинстве случаев мета-

форические единицы представляют положительную оценку мужчины, что в целом является характерным для поэтического дискурса. В ходе исследования нами были выявлены следующие ассоциативные признаки, объединяющие все метафорические модели, во-первых, мужчина, обладающий крепким телосложением и физической силой, обычно рослый; во-вторых, мужчина, наделенный такими чертами, как храбрость, смелость, отважность, что позволяет рассматривать его в роли

защитника своей семьи, отечества и доблестного воина; в-третьих, могущественный мужчина, обладающий властью. Следует выделить ряд других важных признаков, фиксирующих в языке стереотип маскулинности, – это признаки, репрезентирующие умственные способности, манеры движения, особенности поведения. При этом можно говорить о том, что метафорические модели взаимодействуют друг с другом, создавая целостный образ мужчины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. 2-е изд., стереотип. Екатеринбург, 2005. 257 с.
3. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
4. *Трофимова Е.И.* Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Доклады второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». М., 2002. С. 41–54.
5. *Резанова З.И.* Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2010. С. 9–90.
6. *Рябых Е.Б.* Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 242 с.
7. *Lakoff G., Turner M.* More Than Good Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 237 p.
8. *Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: В 2 т. М.: Едиториал УРСС, 1999. Т.1. 848 с.
9. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 256 с.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2011 г.